О ЖАРЪ–ПТИЦѢ, СѢРОМЪ ВОЛКѢ
и
ИВАНѢ ЦАРЕВИЧѢ.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ, за долами, за широкими рѣками, жилъ былъ царь Дорофей; у него было три сына: старшаго звали Немилъ–царевичь, средняго Незнай–царевичь, а меньшаго Иванъ–царевичь; какъ стали они подростать, приставилъ царь по пѣстуну къ каждому царевичу. Вотъ, пѣстуны тѣ вспоили, вскормили царевичей на славу, всякой хитрой наукѣ обучили, только тому не научили, чего сами не знали: — не наставили они царевичей на тотъ разумъ, который правду познаетъ, правдой и честью живетъ. Вотъ и сталъ царь думу думать, кому послѣ себя царство приказать: старшій царевичь, Немилъ, дѣла не любилъ; средній, Незнай, дѣла не зналъ; а третій

Иванъ, хоть дѣло и зналъ, да любилъ имъ похваляться.

Той порой повадился кто–то въ царевъ садъ по ночамъ ходить, да съ завѣтной яблони золотыя яблоки красть; разсердился Дорофей государь на сторожей дворцовыхъ, велѣлъ повѣстить имъ, что коли–де на завтра ему, царю, вора не представятъ, такъ велитъ ихъ по рукамъ–по ногамъ въ кандалы заковать и всѣхъ переказнить. Вотъ, ночь пришла, дозоръ по обычаю заснулъ, а на утро царь пошелъ самъ свои дивныя яблоки считать, и на бѣду многихъ не дочелся! Прогнѣвался, разсердился Дорофей государь на сторожей дворцовыхъ, велѣлъ ихъ по рукамъ, по ногамъ сковать, въ острогъ засадить, а самъ зоветъ царевичей и говоритъ: — Сыны мои милые, не дайте врагу посмѣяться моей сѣдинѣ, изловите мнѣ вора, что въ моихъ царскихъ садахъ потѣшается, золотыя яблочки обиваетъ; поймаете втроемъ, то на три части послѣ себя вамъ царство раздѣлю, а коли одинъ кто изловитъ, то одному все царство оставлю!

Вотъ и порѣшили царевичи промежь себя жребій кинуть, и стали конаться: первый чередъ достался старшему брату. Поужиналъ Немилъ царевичь плотненько, снарядился въ доспѣхи бранные и пошелъ въ обходъ ходить. Ходитъ часъ, ходитъ и другой, нѣтъ никого! А сонъ его такъ и разбираетъ; вотъ присѣлъ онъ на крылечко садовое, захрапѣлъ во всю мочь и проспалъ всю ночь; стало солнышко всходить, въ глаза свѣтить; проснулся Немилъ царевичь, поглядѣлъ на яблонку, а самыхъ–то примѣтныхъ яблокъ и нѣтъ, какъ небывало! — Ну, была не была! молвилъ онъ, махнувъ рукой, — скажу отцу–царю, что всю ночь предъ яблоней стоялъ, никого не видалъ. Какъ задумалъ царевичь, такъ и сдѣлалъ.

Вотъ, какъ царь всталъ, такъ прямо пошелъ понавѣдаться о своей яблонкѣ, и видитъ, что царевичь вокругъ нея похаживаетъ, да саблей булатной помахиваетъ.

— Все ли у насъ по добру по здорову? спросилъ царь Немила царевича.

— Все, батюшка государь, въ покоѣ и въ охранѣ; всю ночь глазъ не смыкаючи вокругъ твоей яблони ходилъ, глаза присмотрѣлъ, а вора не видалъ.

Какъ глянулъ царь Дорофей на дерево, такъ ему оборваная вѣтка въ глаза и бросилась. Запечалился, закручинился, не столько, что яблоки оборваны, сколько о томъ, что сынъ родной не смигаючи въ глаза лжетъ. Прогналъ онъ царевича Немила и велѣлъ Незнаю слѣдующую ночь дозоромъ вокругъ яблони ходить. Ночь пришла, собрался, снарядился Незнай царевичь, и пошелъ по саду похаживать да мечемъ по деревьямъ побрякивать. Однако, на зарѣ стало его шибко ко сну клонить; вошелъ Незнай въ бесѣдку, легъ на лавку, да и захрапѣлъ такъ, что птицъ съ гнѣздъ поспугалъ. Такъ проспалъ царевичь до самого солновсхода, тогда онъ всталъ и пошелъ яблонку посмотрѣть; глянулъ, а у нея одна сторона вся ощипана! — Ну, подумалъ онъ, — бѣда! скажу: — знать не знаю, вѣдать не вѣдаю!

Какъ проснулся царь Дорофей, такъ прямо и пошелъ понавѣдаться о своей золотой яблонѣ, и видитъ, что царевичь вокругъ яблонки похаживаетъ, да мечемъ своимъ побрякиваетъ.

— Все–ли у насъ по добру по здорову? спросилъ царь Незнай царевича.

— Все, батюшка государь, въ покоѣ да охранѣ; всю ночь глазъ не смыкаючи вокругъ твоей яблони проходилъ, глаза приглядѣлъ, а вора не видалъ.

Глянулъ царь Дорофей на дерево, а ощипаная сторона, не то что прорѣжена, а вся обобрана. Поглядѣлъ онъ на Незная, а тотъ, какъ холопъ, со страху заклялся, зачурался: знать не знаю, вѣдать не вѣдаю!

Царь и его прогналъ. — Ну, говоритъ, сынъ мой, Иванъ царевичь, послѣдышекъ, не положи сраму на отцовскую голову, иди, карауль, да не проспи врага моего, что сѣдинѣ моей посмѣивается!

Иванъ царевичь и смѣтливъ и удалъ, а ужь гдѣ на похвальбу дѣло пойдетъ, тамъ онъ хоть кого за поясъ заткнетъ.

Днемъ Иванъ царевичь выспался, а какъ смерклось, такъ и пошелъ на свою череду; пришла ночь, всѣ заснули, только царевичь не спитъ, — ни стукнетъ, ни брякнетъ, вора поджидаетъ; вотъ уже и послѣдніе пѣтухи пропѣли, и звѣзды на небѣ погасли, стала заря заниматься, а его дрема долитъ; подошелъ Иванъ царевичь къ водомету, сплеснулся, умылся и скатилась съ него дрема, какъ съ гуся вода; влѣзъ онъ на самую яблонь и схоронился въ густой листвѣ. Въ долгѣ–ли, въ короткѣ–ли, вдругъ весь садъ осіяло словно огнемъ, и стало свѣтло, какъ середъ бѣла дня; прилетѣла диковинная птица, перья на ней жаромъ горятъ, золотомъ отливаютъ; прилетѣвши, опустилась на завѣтную яблонь, и не поспѣла яблочка наклюнуть, какъ Иванъ царевичь изловчился ухватить ее за хвостъ. Жаръ–птица стала вырываться, крыльями отбиваться; рвалась, рвалась и вырвалась на волю, — только одно золотое перышко осталось въ рукахъ царевича. Почесалъ въ затылкѣ Иванъ царевичь, — жаль птицы, да дѣлать нечего!

взялъ онъ перо, воткнулъ себѣ въ шапку и думаетъ: — теперь я старшихъ братьевъ за поясъ заткну!

Какъ только проснулся царь, такъ Иванъ царевичь самъ первый къ нему пошелъ и сталъ докладывать:

— Государь мой батюшка, всю ночь я караулилъ и ничего не видалъ, а подъ утро, отколѣ ни взялась, налетѣла диковинная птица: на ней перо жаромъ горитъ, золотомъ отливаетъ, весь садъ собой освѣтила и накинулась твои, государевы, яблочки клевать; я изловчился, схватилъ ее за хвостъ, да не совладалъ, больно увертлива, выкрутилась изъ рукъ, сама улетѣла, а долгое хвостовое перо у меня въ рукахъ покинула! Тутъ царь и всѣ бояре и служивые царскіе люди стали на перо дивиться, — а перо среди бѣла дня такъ жаромъ и горитъ!

Взялъ царь перо и поставилъ его въ своей опачивальнѣ, и все на него смотритъ, да меньшаго сына похваливаетъ, а Ивану царевичу то и любо: — его хоть хлѣбомъ не корми, только при людяхъ хвали!

Зло взяло старшихъ царевичей. Что взаправду, думаютъ они, — Иванъ царевичь дѣла не сдѣлалъ, вора не поймалъ, а надъ нами величается! и пошли они къ царю на меньшаго брата жаловаться; а царь имъ въ отвѣтъ: — Вотъ, какую думу я надумалъ, царевичи мои: идите вы въ заповѣдные луга мои, выберите себѣ по наилучшему коню, и поѣзжайте добывать жаръ–птицу; кто мнѣ ее добудетъ, тому заживо полцарства отдамъ!

— Ѣсть то хочется, да лѣзть не хочется! подумалъ Немилъ царевичь; однако, дѣлатъ нечего, собрались братья, у отца поблагословились, въ ноги поклонились и поѣхали, куда глаза глядятъ. Ѣхали, ѣхали, пріѣхали на рубежъ земли знакомаго царя; старшій царевичь сталъ съ середнимъ сговариваться поотдохнуть маленько, — а тому это и на руку, что взаправду ѣхать не вѣдомо куда, искать невѣдомо чего? — Вотъ они тутъ самдругъ и остались, а третій, меньшой, поѣхалъ одинъ добывать жаръ–птицу. Ѣдетъ Иванъ царевичь, долго–ли, коротко–ли, — близко–ли, далеко–ли,

пріѣхалъ къ распутью: лежитъ передъ нимъ прямая дорога, отъ нея идутъ въ сторону еще двѣ: одна вправо, другая влѣво, а на самой раздорожицѣ старинный маръ, каменный столбъ стоитъ; на марѣ томъ написано: Прямо поѣдешь, будешь въ нужѣ и въ голодѣ и въ холодѣ; вправо поѣдешь, коня потеряешь; влѣво поѣдешь, самому не быть живу. — Что долго думать? говоритъ Иванъ царевичь, — своя кожа дороже, коня лишусь, такъ хоть самъ уцѣлѣю! И только повернулъ было коня, какъ отколѣ не взялась, словно изъ мара выросла, старица, ветхая преветхая, и стала царевича пытать:

— Откуда, добрый молодецъ, и куда ѣдешь?

— А ѣду я, бабушка, изъ одного царства, по отцову приказу, по государеву наказу, за тридевять земель въ тридесятое царство по жаръ–птицу; повадилась та жаръ–птица въ царскіе сады летать, золотые яблоки клевать, и никто во всемъ царствѣ ее не укараулилъ; вотъ и призвалъ царь насъ трехъ царевичей и приказалъ по череду караулъ держать. Сперва пошелъ старшій

сынъ, да прокараулилъ; пошелъ середній сынъ, и тотъ прокараулилъ, пошелъ я, Иванъ царевичь, меньшой сынъ, я одинъ не прокараулилъ, поймалъ жаръ–птицу за хвостъ; ужь она рвалась, металась, — полхвоста у меня въ рукахъ оставила и улетѣла!

— Ну, хоть полъ не полъ, будетъ съ тебя и единаго пера, молвила старица.

Какъ это она знаетъ? подумалъ Иванъ царевичь, и сталъ въ старуху вглядываться.

— Аль признаешь меня, старь–старину стародавнюю? спросила она.

— Гдѣ признать, коли я тебя видомъ не видалъ и слыхомъ не слыхалъ!

— Чему же пѣстуны твои учили тебя, коли ты дѣдовской старины не знаешь? Мірская старина прямой путь кажетъ, старому бывалому разуму учитъ.

— У меня свой умъ въ головѣ, мы и сами съ усами! отвѣтилъ царевичь, и повернулъ вправо.

— Стой, царевичь, не губи своего дѣла, ступай путемъ прямымъ не окольнымъ; встарь истые богатыри такъ дѣлывали, жили

по правдѣ, а правда прямо ходитъ, ни шатко, ни валко, ни на сторону; витязь вѣрнаго коня пуще себя жалѣетъ; эй царевичь, не откупайся чужой головою!

— Стану я тебя, старую небылицу, слушать, сказалъ Иванъ царевичь, стегнувъ коня по крутымъ бедрамъ; этотъ, не чуя бѣды, взвился и понесъ царевича.

Конь бѣжитъ, земля дрожитъ, а Иванъ царевичь уздечкой поигрываетъ. Вдругъ, отколѣ ни взялся сѣрый волчища, и сталъ поперегъ дороги: у волка волосъ щетиной стоитъ, глаза огнемъ горятъ.

— Здравствуй, добрый молодецъ! сказалъ волкъ, — спасибо за подачку, безъ тебя я съ голоду бы померъ!

Добрый конь хотѣлъ перемахнуть черезъ волка, да тотъ ухватилъ его и сталъ поѣдать. Соскочилъ Иванъ царевичь съ коня, а конь заговорилъ съ нимъ человѣчьимъ голосомъ: Ой ты гой еси добрый молодецъ, Иванъ царевичь, выдалъ ты меня, своего вѣрнаго коня; — придетъ пора, наживешь ты коня, да тебя выдастъ конь! Заплакалъ Иванъ царевичь, видно, зазрѣла совѣсть, — да ужь худаго дѣла не вернешь! Волкъ съѣлъ всего коня и косточки обгрызъ, а потомъ и говоритъ: — Ну, Иванъ царевичь, послужилъ ты на

меня, послужу и я тебѣ: садись верхомъ, мигомъ донесу до Жаръ–птицы!

Не дружись со злымъ человѣкомъ, не клади руки волку въ пасть, сказала бы старь старина, да Иванъ царевичь старины не зналъ, стариковъ не чтилъ и слушаться не любилъ, а дѣлалъ, самодуромъ, что на умъ приходило.

Вотъ и сѣлъ онъ на волка, и понеслись выше лѣсу стоячаго, ниже облака ходячаго. Въ самую полночь подлетѣли они къ высокой стѣнѣ: вся стѣна, какъ въ заревѣ горитъ, а за стѣной Жаръ–птица въ золотой клѣткѣ сидитъ. Волкъ ударился о земь и сталъ лѣстницей: Иванъ царевичь влѣзъ по ней и засмотрѣлся на Жаръ–птицу, а и пуще того на витую золотую клѣтку. — Брать клѣтку, аль не брать? подумалъ Иванъ царевичь. — Нѣтъ, не возьму, клѣтка чужая, а птица моя, — я ее добылъ за провинность ея передъ государемъ родителемъ.

— Бери! зарычалъ сѣрый волкъ, — бери клѣтку, добрый молодецъ, — какъ ни добылъ да добылъ! Соблазнился Иванъ

царевичь на волчьи уговоры, и сталъ клѣтку отвязывать; вдругъ зазвенѣли струны, загремѣли бубны, забили барабаны, сторожа проснулись, схватили Ивана царевича, скрутили ему руки и ноги, и повели къ своему царю; — легко воровать, да тяжело отвѣчать держать!

— Здравствуй, добрый молодецъ, честный удалецъ, что ни жнетъ, ни молотитъ, а замки колотитъ! сказалъ царь Ивану царевичу.

Иванъ царевичь ему въ отвѣтъ:

— Не обзывай меня воромъ, государь, не кори въ винѣ: поѣхалъ я въ погоню за Жаръ–птицей, по отцеву приказу, по цареву указу. У царя, родителя моего, есть завѣтная яблоня о золотыхъ яблокахъ, и повадилась твоя Жаръ–птица, что ни ночь летать да золотыя яблоки воровать, всѣхъ людей на караулѣ измучила! Вотъ и приказалъ царь намъ тремъ царевичамъ по череду вора стеречь: пошелъ старшій братъ караулить, — прокараулилъ; пошелъ середній, — и онъ прокараулилъ; пошелъ я, меньшой, всю ночь не спалъ, притаясь за

деревомъ стоялъ, а какъ стала меня дрема клонить, такъ я умылся, окатился ключевой водой и засѣлъ въ самую яблонь, вора поджидаючи; не долго я ждалъ, вдругъ весь садъ просіялъ; летитъ Жаръ–птица и прямо къ яблонѣ, усѣлась, да и ну клевать, что ни наилучшее яблочко; я изловчился, просунулъ руку и ухватилъ ее за хвостъ; она у меня и рваться и метаться! вывернулась, улетѣла, а перо золотое въ рукахъ покинула; вотъ, государь родитель и повелѣлъ намъ тремъ царевичамъ ѣхать, и, какъ ни быть, а Жаръ–птицу добыть. Я бы и добылъ ее, кабы не послушался сѣраго волка; волкъ велѣлъ съ клѣткой брать, а клѣтка твоя съ потайной на гусляхъ самогудахъ стоитъ.

Задумался царь и говоритъ: — Вотъ что, Иванъ царевичь, я тебѣ отдамъ Жаръ–птицу и съ клѣткой, только сослужи ты мнѣ службу: добудь у сосѣдняго царя моего вѣрнаго коня съ диковиннымъ золотымъ нависомъ, то есть съ золотымъ хвостомъ и гривой; конь этотъ мой, да сосѣдъ обманомъ завладѣлъ.

— Ладно, сказалъ Иванъ царевичь. Ударили по рукамъ, отправился царевичь добывать златогриваго коня, а царь ему въ догонку кричитъ: — Эй, Иванъ царевичь, берегись волчьяго злаго разума, не слушайся его: онъ скажетъ тебѣ: бери золотую сбрую, а ты одного коня бери, а сбруи той и пальцемъ не трогай, — возмешь, бѣда будетъ!

Вотъ и поскакалъ Иванъ царевичь на сѣромъ волкѣ за златогривымъ конемъ. Долго–ли, коротко–ли ѣхали, пріѣхали въ полночь въ сосѣднее царство, прямо къ царевой конюшнѣ; а конюшня та обнесена высокой превысокой стѣной; вотъ сѣрый волкъ опять грянулся о земь и сталъ лѣстницей; Иванъ царевичь перелѣзъ по ней, отвязалъ златогриваго коня, заглядѣлся на золотую сбрую, а въ сбруѣ той самоцвѣтные камни въ потьмахъ блестятъ. — Куда хороша сбруя! — брать или не брать? подумалъ Иванъ царевичь.

— Бери, зарычалъ сѣрый волкъ.

— Нѣтъ, не возьму! сказалъ царевичь.

— Эй бери, завылъ волкъ, — бери сбрую; коня на обмѣнъ за Жаръ–птицу отдашь, а сбрую себѣ оставишь.

Соблазнился Иванъ царевичь на волчьи рѣчи, и только притронулся къ сбруѣ, какъ зазвенѣли струны, загрѣмѣли бубны, забили барабаны, вскочили сторожа, схватили царевича, скрутили ему руки и ноги и повели къ царю. — Легко воровать, да тяжело отвѣтъ держать!

— Здравствуй, добрый молодецъ, честной удалецъ, что ни жнетъ, ни молотитъ, а замки колотитъ! сказалъ царь Иванъ царевичу.

Иванъ царевичь ему въ отвѣтъ: — Не обзывай меня воромъ, не кори въ винѣ; поѣхалъ я по отцеву приказу, по царскому указу, такъ и такъ, и разсказалъ, какъ все дѣло было.

Задумался царь на такія царевичевы рѣчи, помолчалъ, да и говоритъ: — Вотъ что, Иванъ царевичь: я вижу, ты удалецъ, сослужи на меня службу, — уведи ты мнѣ отъ Кощея сироту Елену прекрасную; добудешь — златогриваго коня и съ

уздечкой отдамъ, не добудешь, на себя пеняй.

— Ладно, отвѣтилъ Иванъ царевичь, ударилъ съ царемъ по рукамъ и поѣхалъ добывать сироту Елену прекрасную. Примчалъ его сѣрый волкъ къ Кощееву дворцу, и говоритъ: — Постой, Иванъ царевичь, здѣсь за стѣной, а я самъ добуду тебѣ Елену прекрасную. Иванъ царевичь присѣлъ у стѣны, сѣрый волкъ перемахнулъ черезъ стѣну въ садъ; а той порой Елена прекрасная гуляла по саду съ няньками, съ мамками, съ сѣнными дѣвушками за Кощеевымъ дозоромъ. Вотъ какъ увидали они волка, такъ всѣ и разбѣжались, а волкъ схватилъ Елену прекрасную и перемахнулъ съ нею черезъ стѣну къ Ивану царевичу, усадилъ ихъ на себя и повезъ добычу къ царю на обмѣнъ. Вотъ и взмолилась сирота Елена прекрасная: — Государь ты мой, Иванъ царевичь, немѣняй ты меня на златогриваго коня, ты возьми меня въ вѣковѣчныя работницы, не отдавай меня въ кабалу, сироту безродную!

— Ты не плачь, не кручинься, красна дѣвица, что не быть тебѣ въ кабалѣ за коня златогриваго, и не быть въ рабыняхъ у меня, добра молодца, а быть тебѣ законной женой, царевною Еленой прекрасною, коли будетъ на то воля царя родителя моего; не поѣду я за златогривымъ конемъ, не поѣду за Жаръ–птицей, а поѣду къ государю отцу, поклонимся ему въ ноги, онъ мягкосердъ, сжалится надъ твоей сиротской долей и поблагословитъ насъ.

Хорошо надумалъ Иванъ царевичь, да не пришлась дума его по волчьей думѣ.

— Нѣтъ, Иванъ царевичь, не ладно, не по богатырски дѣла вертишь, эдакъ тебѣ малый ребенокъ насмѣется, скажетъ, поѣхалъ по диковинную птицу, а вернулся ни съ чѣмъ! Слушай: ужь была не была, а я тебя выручу: поѣдемъ теперь къ царю за златогривымъ конемъ, — я его тебѣ даромъ добуду.

Соблазнился опять Иванъ царевичь, позарился на чужое добро. Вотъ и пріѣхали; грянулся сѣрый волкъ о земь, оборотился Еленой прекрасной и велитъ

Ивану царевичу вести себя на обмѣнъ за златогриваго коня.

Какъ только завидѣлъ ихъ царь, такъ и крикнулъ своимъ конюхамъ: — Сѣдлайте коня дорогимъ сѣдломъ, надѣвайте на него сбрую завѣтную! а самъ принимаетъ Елену прекрасную, ведетъ ее въ царскія палаты. Подвели на обмѣнъ царевичу коня съ золотымъ нависомъ; вскочилъ на него Иванъ цареичь, стегнулъ по крутымъ бедрамъ, взвился конь, только ископытью обдалъ. А сирота Елена прекрасная строитъ, поджидаючи, у дорожки; взялъ ее Иванъ царевичь и помчалъ съ нею за Жаръ–птицей. Той порой сѣрый волкъ не дремалъ: какъ оставили его одного, онъ грянулся о земь, оборотился опять волкомъ, выпрыгнулъ изъ окна и помчался по дорогѣ за Иваномъ царевичемъ, нагналъ его, да и рычитъ: — Ой ты, гой еси добрый молодецъ, такъ–ли ты друзей чествуешь, службу мою памятуешь! Ну, да я не въ тебя, добуду и Жаръ–птицу даромъ. Посмотрѣлъ Иванъ царевичь на коня, жалко стало ему отдавать его опять,

соблазнился на волчьи рѣчи, ударилъ по рукамъ и помчались за Жаръ–птицей. Подъѣхавъ къ стѣнѣ, сѣрый волкъ грянулся о земъ, оборотился въ злотогриваго коня, и повелъ его Иванъ царевичь на обмѣнъ. Какъ царь завидѣлъ коня съ золотымъ нависомъ, такъ крикнулъ слугамъ: — Подайте Жаръ–птицу съ золотою клѣткой! и изъ рукъ въ руки передалъ ее Ивану царевичу. А у Ивана царевича сердце не дрогнуло и краска въ лице не вступила, — такъ отуманили его волчьи совѣты. Взялъ онъ клѣтку, да скорѣе съ Еленой прекрасной сѣлъ на коня и поскакалъ домой, самъ только поглядываетъ не бѣжитъ ли волкъ вдагонь. Налюбовавшись конемъ, царь велѣлъ его поставить въ стоило, кормить бѣлояровой пшеницей, поить медвяной сытой. Какъ конюхи ушли, такъ конь перекинулся сѣрымъ волкомъ, выскочилъ изъ конюшни и махнулъ за Иваномъ царевичемъ. Вотъ сталъ онъ его у стараго мара нагонять и кричитъ: — Ой ты, гой еси добрый молодецъ, такъ–ли ты дружбу, службу помнишь, что, задравъ

уши, во всѣ лопатки отъ друга товарища улепетываешь! Давай–ка теперь полонъ дѣлить, бери себѣ Жаръ–птицу, а мнѣ подавай златогриваго коня, да Елену прекрасную.

— Нѣтъ, говоритъ Иванъ царевичь, — не на такого напалъ! не видать тебѣ ни Елены прекрасной, ни златогриваго коня!

Ощетинился и защелкалъ зубами сѣрый волкъ и бросился на Ивана царевича; конь всталъ на дыбы, сбросилъ всадника, хватилъ передними копытами сѣраго волка и понесся могучимъ вѣтромъ по степи. Не поспѣлъ Иванъ царевичь съ земли подняться, какъ навалился на него волкъ и перекусилъ ему горло, а самъ, пошатываясь отъ конскаго удара, прилегъ отдохнуть около клѣтки Жаръ–птицы, а Жаръ–птица, осерчавъ, просунула голову изъ золоченой витой клѣтки, клюнула разъ, — выклюнула волку правый глазъ; клюнула другой, — выклюнула лѣвый глазъ. Взвылъ сѣрый волчища, метнулся въ сторону и побѣжалъ сослѣпа невѣдомо куда, покинувъ середи

степи заѣденаго царевича и Жаръ–птицу съ Еленой прекрасной.

Стояла на дворѣ темь непроглядная, а вокругъ Жаръ–птицы свѣтло, какъ днемъ; вотъ и ѣдутъ два витязя, Немилъ съ Незнай царевичемъ изъ долгихъ гостинъ, и видятъ, словно солнце на землю спустилось, золотая клѣтка стоитъ, въ клѣткѣ той Жаръ–птица огнемъ горитъ, золотомъ переливаетъ, а подлѣ нея сидитъ дѣвица красавица такая, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ описать. И стали витязи промежь себя сговариваться добычу дѣлить; и досталась по жеребью сирота Елена прекрасная Немилу царевичу, а Жаръ–птица Незнаю царевичу.

Залилась Елена прекрасная горючими слезами и стала просить утра обождать, чтобъ похоронить Ивана царевича; но братья ждать не захотѣли: похватали добычу и поскакали въ свое царство, а мертвый Иванъ царевичь остался одинъ въ полѣ лежать.

Вотъ изъ темной теми вышла старица старина стародавняя, поглядѣла на мертваго

Ивана царевича и, покачавъ головою, слово молвила: — Чѣмъ бы чѣмъ не богатырь, всѣмъ взялъ, а истой доблести богатырской не было: за правду не стоялъ, прямымъ путемъ не ходилъ, и сложилъ головушку въ чистомъ полѣ! А все жаль тебя, царевичь; — попытаюсь оживить, можетъ статься тебѣ волчья наука въ прокъ пойдетъ!

Вотъ и сѣла старица на камешекъ подлѣ стараго мара, что на раздорожицѣ стоитъ, гдѣ златогривый конь сронилъ Ивана царевича. Какъ взошло красно солнышко, такъ, почуявъ мертвечину, налетѣли черные вороны, сѣдое воронье и галье, и ну трепать тѣло Ивана царевича; вотъ старица поймала молодаго вороненка, а старый воронъ и заговорилъ человѣчьимъ голосомъ: — Матушка старина, не тронь моего дѣтища, я тебѣ впередъ пригожусь, вѣковѣчный слуга буду!

— Ладно! — сказала старица, такъ добудь ты мнѣ напередъ живой и мертвой воды.

Вотъ полетѣлъ воронъ и вернулся въ обѣденую пору, принесъ два пузыря подъ

крыльями, а старица, чтобы извѣдать его правду, разорвала вороненка наполье и спрыснула его мертвой водой, — вороненокъ сросся; спрыснула живой водой, — онъ ожилъ и полетѣлъ за старымъ ворономъ.

Спрыснула бабушка Ивана царевича мертвой водой, на немъ всѣ раны заросли; спрыснула живой водой, ожилъ Иванъ царевичь, всталъ и говоритъ: — Что это какъ я долго спалъ?

— Кабы не я, такъ и вѣкъ бы тебѣ спать! сказала старица.

Тутъ царевичь все про все вспомнилъ, повалился ей въ ноги и повинился во всемъ.

— Знаю, знаю, Иванъ царевичь, все знаю, нѣтъ такого дѣла, чтобы ваша старина не сберегла бы въ науку вамъ, хоть вашъ братъ и зоветъ меня старой небылицею, — ну, да старая быль молодцу не укоръ! Поспѣшай теперь домой, чай братья твои теперь величаются, твоею добычей похваляются. Махнула старуха клюкой, и сталъ передъ богатыремъ богатырскій конь: изъ ушей паръ валитъ,

изъ ноздрей полымя пышетъ. — Вотъ тебѣ вѣрный конь, береги его, и онъ сбережетъ тебя; а наипуще всего, добраго слова слушайся. Живали люди до тебя и говаривали: молодой на войну пригожается, а старый въ совѣтъ наряжается!

Запало слово вѣщей старины въ сердце и въ думку Ивана царевича, и сталъ онъ вдругъ инымъ человѣкомъ, сталъ и сердце свое и умъ пытать и у совѣсти спрашиваться. А какъ пріѣхалъ домой да завидѣли его братья, такъ со страху и попрятались. Иванъ царевичь и Елена прекрасная все расказали отцу, а царь Дорофей, какъ сказалъ, такъ и сдѣлалъ: Жаръ–птицу себѣ взялъ, Ивану царевичу заживо отдалъ полцарства, женилъ его на Еленѣ прекрасной и задалъ пиръ на весь міръ; и я тамъ былъ, пиво, медъ пилъ, по усу текло, въ ротъ не кануло!

В. ДАЛЬ